

ВОСПЕВАЯ И СЛАВЯ ЖИЗНЬ (Вспоминая и перечитывая Илью Лаврова)

Большинству нынешних читателей, особенно молодых, имя новосибирского прозаика Ильи Лаврова мало что говорит. А ведь полвека назад было оно постоянно «на слуху», произведения И. Лаврова вызывали устойчивый интерес, имели серьезный читательский успех. Да и вообще литературный Новосибирск 60 — 70-х годов прошлого века трудно было представить без этой колоритной и поистине легендарной фигуры. Правда, критика оценивала его творчество противоречиво, однако и не обходила молчанием. Но ныне приходится с сожалением констатировать, что «трава забвения» не пощадила и этого замечательного писателя — как многие его талантливые современники, он также пополнил печальные ряды «забытых литературных имен».

Илья Михайлович Лавров родился в 1917 году на окраине Новосибирска (тогда еще Новониколаевска) — Закаменке, в семье ломовика и водовоза. Позже семья переселилась ближе к центру города. «Дом стоял на Бийской улице (нынешняя Депутатская — А.Г.). Наш квартал одним концом выходил к базару, а другим — по Бийскому спуску — к речке Каменке», — напишет десятилетия спустя И. Лавров в автобиографическом романе «Мои бессонные ночи», точно обозначая географические координаты своего детства. Из этой же книги читатель узнает и многие красочные подробности той поры — чаще грустные и печальные, а то и вовсе драматичные.

Жизнь Илье, его пятерым братьям и сестрам и их матери, женщине кроткой, забитой и набожной, отравлял глава семьи Михаил Лавров — деспот и самодур, стяжатель и буян. В атмосфере беспредельного произвола отца пройдет все детство И. Лаврова. А с облегчением он вздохнет только тогда, когда окажется за стенами родного дома, в «свободном полете».

В школе И. Лавров учился плохо, особенно по «точным» предметам. С учителями он «характерами не сошелся» и в восьмом классе был из школы исключен. Но фортуна была к нему благосклонна. Как раз в это время театральный техникум при Новосибирском театре юного зрителя осуществлял набор. Илья пошел попытать счастья, и оно ему улыбнулось: его приняли. С 1933 по 1936 год он осваивает актерскую профессию. И мечтает быстрее вырваться на простор большой жизни. «Я учился в театре, а сердце рвалось в дорогу, в неведомое, к людям!.. После окончания театрального техникума в 1936 году я с жадностью бросился на эти дороги»¹.

А они пролегли по многим городам и весям Советского Союза. За полтора десятилетия профессиональной актерской деятельности И. Лаврову довелось выступать в театрах многих городов: Новокузнецка, Нальчика, Пятигорска, Кисловодска, Ферганы Коканда, Намангана, Андижана, Саратова, Нарыма, Томска, Читы...

Театр театром, но мучило, не давало покоя другое — «томление по слову, по образу», «тоска по своей книге». И все хуже становилось И. Лаврову в «замкнутом закулисном мире»².

Любовь к художественному слову И. Лавров испытал еще в раннем детстве. В первую очередь, под влиянием старшего брата Саши (в Великую Отечественную войну Александр Лавров погиб под Ленинградом — А.Г.). Влюбленный в литературу, он и Илью к ней приохотил — затаив дыхание, тот слушал рассказы брата о жизни и гибели Пушкина, Лермонтова, Байрона... Саша первым у Ильи и сочинительский дар обнаружил. По его совету третьеклассник Илья отправил в издававшийся тогда в Новосибирске детский журнал «Товарищ» свое стихотворение «Солнце». В 1928 году оно было напечатано, став пробным камнем, как бы предварившим творческую судьбу И. Лаврова.

¹ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1073, с. 121.

² Там же.

Однако настоящий дебют состоится много позже, когда за плечами будут уже годы актерской жизни с постоянными разъездами, новыми и новыми впечатлениями, которые все сильнее и настойчивей рвались на бумагу. И. Лавров записывал их в блокноты. Пытался писать рассказы, повести, которые сразу же потом рвал и выбрасывал, никому их не показывая. По собственному признанию, «назначил себе десять лет тренировки и писал только для себя»³.

Первый рассказ И. Лаврова «В родном краю» появился в 1953 году в саратовском альманахе «Новая Волга». К этому времени И. Лавров переехал из Саратова в Читинскую область и там, в альманахе «Забайкалье» были напечатаны его рассказы «Дом среди сосен» и «Выигрыш». Эти публикации писатель и считал своим истинным началом литературного пути.

А «дальше все пошло быстро, одним порывом»⁴, — вспоминал И. Лавров. В Читинской области в 1955 году вышел первый сборник рассказов «Ночные сторожа». А дальше...

Счастливым и поворотным в судьбе писателя стал 1956 год. Сначала в Читинской области появилась его книга «Синий колодец», а следом в Москве — «Несмолкающая песня». В том же, 1956-м, И. Лавров отправился в столицу на III всесоюзное совещание молодых писателей, по рекомендации которого был принят в Союз писателей СССР. «И я распрощался с театром, сказав ему последнее «люблю» в повести об актерах «Девочка и рябина»⁵.

Впрочем, это не совсем так. К теме театра И. Лавров еще не раз возвращался в своем творчестве. В рассказе «Веселый сказочник», например, ряде других произведений. Другое дело, что сценические подмости И. Лавров действительно оставил и в 1957 году окончательно и бесповоротно перешел на литературную работу, которой отдал потом всю оставшуюся жизнь.

С чем же шел тогда к читателям И. Лавров? Да прежде всего — с «лица необщим выраженьем», со своим голосом, интонацией, взглядом на окружающий мир, на происходящее вокруг, а, главное, своим видением и пониманием человека.

Те первые книги (читинские и московская) задали тональность всему творчеству И. Лаврова. Они светлы, полны неумолчного «шума жизни», неизбывной доброты, прозрачной грусти, нежности и любви ко всему сущему в нашем мире. Их персонажи, — ночные сторожа, парикмахеры, провинциальные актеры, учителя, речники, лесорубы, геологи, вырвавшиеся на простор большой жизни молодые люди, дети... — взяты писателем из самой гущи жизни такими, какими он увидел и почувствовал их — тонкими и сложными, способными на глубокие чувства природы. И очень обижало И. Лаврова отношение к ним как к «винтиками» и «пылью людской»:

«Я всегда внутренне протестовал, когда некоторые критики называли моих героев «маленькими людьми». Да разве может быть «маленьким» человек с глазами поэта? Воспринимающий мир как художник? Конечно, на фоне твердокаменных, напористых до нахальности, все подминающими под себя, говорящих лозунгами «героев» мои люди-художники выглядели пассивными созерцателями... Нет, они не были такими. Это были просто живые, обычные люди. Я не хотел делать из них героев, я лишь хотел, чтобы они жили и дышали на страницах книги»⁶.

В общем, уже с первых шагов на литературном поприще И. Лавров задался целью писать, «о жизни, как она есть» (В. Сапожников) и придерживался этого творческого принципа неукоснительно, вызывая раздражение многих тогдашних критиков и «деятелей» от литературы. Впоследствии, уже известным писателем И. Лавров вспоминал о годах своей литературной молодости:

³ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 121.

⁴ Там же, с. 122.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 123.

«Моя молодость — это пятилетки, строительство социализма, ураган Второй мировой войны, множество всяких трудностей, нужда, напряжение борьбы. Обо всем хотелось написать. И я писал. Но то, что получалось, настолько противоречило бездумному бодрчеству, «идеальным» героям, сладенькой лжи бесконфликтности, что перестраховщики возвращали мне рукописи»⁷.

Но и то, что удавалось ему публиковать, вызывало ожесточенную, порой до прямо противоположных мнений, полемику. Молодому писателю от такого разнобоя впору было растеряться. Но И. Лавров уже успел утвердиться в своей правоте. «Стальные», мертворожденные героини-схемы, — признавался он, — так опротивели, что я ринулся к самому обычному человеку, которого и считаю настоящим творцом и героем нашей жизни». И приводил в подтверждение сборник «Несмолкающая песня», вобравший лучшее, написанное им к середине 1950-х годов: «Эта книга всем своим смыслом, духом, подтекстом, выбором героев направлена против казенных, парадных книг...»⁸.

Читатели позицию И. Лаврова разделяли, и это вдохновляло, давало силы. В том числе противостоять тем, кто в начале творческого пути обвинял писателя в «мелкотемье», «приземленном бытовизме», в уходе от социалистической действительности и магистральных дорог советской литературы.

«Уходил» И. Лавров, по счастью, не один, а в прекрасной компании, где блистали М. Пришвин, Г. Паустовский, Ю. Казаков, В. Солоухин, Ф. Искандер... «Уходил», продолжая и развивая добрые литературно-художественные традиции И. Тургенева, И. Бунина. Уходил от ложного пафоса, плакатного героизма и риторики официозного соцреализма к извечным и подлинным человеческим ценностям, которые чаще всего и обнаруживаются в обыденной жизни.

В этой, естественной для них среде, И. Лавров и показывает своих героев, которые любят, страдают, ищут ответы на духовные, нравственные, да и социальные — тоже, вопросы, касающиеся самых разных сторон бытия. И прежде всего — взаимоотношений человека с окружающим миром.

А камертоном, по которому настраиваются и поверяются эти отношения, становится у И. Лаврова любовь.

Любви у него не только «все возрасты», но и люди самого разного внутреннего содержания «покорны». Даже те, кто, казалось бы, надежно защищен от всепроникающего воздействия любовного излучения.

Как, например, главный герой рассказа «Ночные сторожа» Ефим. Дожив до седых волос без любви, он душевно обеднел, очерствел и ожесточился в отношениях с людьми. Но любовь, в конце концов, настигает и его в лице простой женщины, немолодой уже напарницы по ночным дежурствам в центральном городском парке, где они оба работают. И происходит настоящее чудо. Ефим рядом с Варварой светлеет, добреет, отмякает душой, начинает смотреть на мир ее глазами, видеть и ощущать разлитую вокруг красоту. И хотя сама эта любовная история не получает продолжения (Варвара вскоре уезжает насовсем к мужу на целину), возникшее в душе Ефима чувство оставляет глубокий след и запускает в нем процесс духовного перерождения. Любовь «вызвала к жизни все то лучшее, что было дано ему от природы...»⁹.

Нечто подобное происходит и в рассказе И. Лаврова «Не уходите!». Недолгая встреча главного героя произведения Чибисова со случайной попутчицей в поезде дальнего следования Лизой возвращает его из душевной спячки. Затаенная драма этой женщины (автором так и не названная, оставшаяся за кадром) вызывает душевное соучастие, а с ним и неожиданный прилив нежности и смутной надежды на взаимное счастье. Вместе с тем, встреча с Лизой заставляет Чибисова по-новому взглянуть на себя и

⁷ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 122

⁸ Там же.

⁹ Шапошников В. Щедрое сердце. // В. Шапошников. Государственные люди. — Новосибирск, 1979, с. 160.

свою жизнь. Когда Лиза подъехала к своей станции, Чибисов вышел на перрон ее проводить.

«Чибисов взял за плечи, повернул ее к себе. Некоторое время они растерянно смотрели друг на друга. Слепые от нежности глаза Чибисова стали влажными, а у нее испуганными и настороженными... Большой ладонью он погладил ее маленькую руку в замшевой черной перчатке, и она не отняла руки...

— Прощайте, — сказала она. — Прощайте. — И как-то нерешительно, словно ожидая, что он окликнет ее, двинулась вдоль поезда...»

Поезд с Чибисовым двинулся дальше, а он «сидел на полке, где прошлую ночь спала Лиза, и чувствовал себя жалким и старым. Ему казалось, что он все потерял, не удержав ее». Но И. Лаврова, оптимиста по мироощущению, такой пессимистический финал не устраивает. И рассказ заканчивается куда более обнадеживающей фразой: «Ему (Чибисову — А.Г.) и в голову не приходило, что за этот день он разбогател, как богатеет разбуженный, увидев мир».

Способность глубоко чувствовать своих героев и с ювелирной точностью передавать состояние их души уже в начале литературного пути становится важной чертой художественного стиля И. Лаврова. Красноречивым тому подтверждением может служить еще один рассказ, написанный им в середине 1950-х годов, — «Крылышко».

«Крылышком» за ее порывистую стремительность прозвал маленькую героиню рассказа Катюшу ее папа. Она в той поре, когда весь мир кажется ей удивительно прекрасным и бесконечно добрым. У нее в этом мире есть все для счастья: любимые мама с папой, замечательная подруга, дом, окна которого выходят в сад... Но однажды эта гармония из-за разлада между родителями нарушается: мама уходит от папы к другому человеку, забирая Крылышко с собой. Катюша продолжает любить их обоих, они по-прежнему для нее нечто единосущное и нераздельное, и от этого девочке вдвойне тяжело. Разрыв отношений кровно близких людей писатель показывает глазами Катюши, пропускает через ее сердечное смятение, отчего и читателями ситуация воспринимается с особой обостренностью. Вполне заурядный семейный конфликт И. Лавров сумел превратить в напряженную психологическую драму, переданную в то же время с большой поэтической силой.

«Крылышко» — далеко не единственное у И. Лаврова произведение, где одна из центральных фигур ребенок. Со временем писатель создаст множество прекрасных детских образов. Это и Дашенька из повести «Дорога в Петушки», и Коля из рассказа «Дни ветров и метелей», и Сережа из «Поэмы о родственниках и пельменях», и Ромка из повести «Обитатели Медвежьей ложбины», и еще многие другие юные персонажи, выписанные И. Лавровым с большой теплотой и нежностью и удивительным знанием ребячьей психологии. Будет И. Лавров писать и специально для детей, о чем свидетельствуют такие, например, его книги, как «Похождения Васи Кривёнка», и многочисленные публикации в журнале «Пионер» и других детских изданиях. Но рассказ «Крылышко» станет отправной точкой «детской» линии в творчестве писателя — чрезвычайно для него самой важной и близкой.

Характерной чертой художественного стиля И. Лаврова становится и его пристальное внимание к мельчайшим деталям и подробностям окружающего бытия. «Жизнь волшебна в своих подробностях», — заявлял он в одной из миниатюр. И как очень немногие из писателей умел через крохотный штрих, нюанс, через самую, казалось бы, незначительную крупинку жизненной круговерти увидеть и запечатлеть в объеме и многомерности как мир вокруг, так и состояние человека в его контексте. При этом любая подробность у И. Лаврова остается индивидуальной, неповторимой и хорошо просматриваемой в едином потоке бытия.

«Робко моросил реденький и теплый дождичек, из тьмы вылетали мокрые желтые листья, шлепались в лицо. Негромко плескались и позванивали в водосточных трубах скудные струйки. О крышу и стену дому невнятно скреблись и толкались со всех сторон

ветви кленов. Невидимое во мраке, тихонько и беспечно смеялась парочка. Слегка пахло сырым песком, намокшими заборами, опавшими листьями и ванилью: где-то пекли пироги. Ветер дул слабо и мягко — так дуют на блюде с горячим чаем. Осторожно кропили лицо мелкие дождевики. И в лад со всем этим плыл задумчивый сиплый голос:

— Выхожу один я на дорогу...

Все это вместе составляло осеннюю ночь. И думалось, что ей не будет конца. И эта ночь, и эта песня, и этот голос всегда будут повторяться — они вечные».

Видя, слыша свой голос из репродуктора, передающий трансляцию его давнишнего концерта, осязая осенние запахи, главный герой рассказа «Несмолкающая песня» певец Стогов, тяжело болеющий после неудачной операции, чувствует вдруг прилив бодрости, сил и покинувшей его, было, надежды на лучший исход.

Таких, полных красок, звуков, запахов картин окружающего мира в произведениях И. Лаврова очень много. И каждая из них наводит на мысль, что написать их мог только тонкий живописец с душой поэта. И. Лавров и был им — поэтом и живописцем слова, тонким лириком и жизнелюбивым романтиком.

С особой, пожалуй, силой и яркостью качества эти проявились в 1960-е годы, когда одна за другой выходят у И. Лаврова рассказы и повести «Веселый сказочник», «Кудлатая хорошая собака», «Девочка и рябина», «Мне кричат журавли», «Сопутники», наконец, «Встреча с чудом», являвшими собой очень характерную для тех лет лирико-романтическую прозу. С той, может быть, только разницей, что у И. Лаврова «всё, даже малейшие душевные движения, выражены как подъем, как вспышка, как взрыв»¹⁰.

Чему красноречивым подтверждением может служить одно из лучших и самых известных произведений И. Лаврова — повесть «Встреча с чудом», рассказывающая о сестрах-близнецах Асе и Славке, грезящих морем и мечтающих стать штурманами дальнего плавания. Окончив школу, девушки устремляются в головокружительное для них путешествие к берегу Тихого океана, чтобы поступить в морское училище. Путь близняшек к мечте окажется неблизким и непростым, с неожиданными поворотами, приключениями, встречами, познанием огромного мира с его главной ценностью — добрыми красивыми людьми:

«Сколько на земле красивых людей! Вот промелькнула девушка в белом. Зубы ее вонзаются в красное яблоко. Губы ее обрызганы соком. Глаза распахнуты, они, казалось, могут смотреть на солнце. Она легкая, гибкая, точно плясунья. Платье вьется, едва поспевает за ней... Мне на миг померещилось, что она скользит над землей. А вот и юноша. Плечи его загибают ветер. Дымом клубятся волосы. Упругие ноги могут обежать земной шар. Он смеется, и зубы его вспыхивают».

Автор оставляет сестер, когда они уже на пороге своей цели и не остается сомнений, что своего добьются. Но, по мнению критика Н. Яновского, суть повести не только в этом. Она еще и «в том, что они (Ася и Славка — А.Г.) повстречались в пути с чудом времени»¹¹.

Впрочем, сам автор, называя эту повесть «Встреча с чудом», имел в виду не только время, но и вообще нашу жизнь. Говоря о себе и своем творчестве, И. Лавров признавался: «Я всегда воспринимал жизнь как чудо и верил, что наша обыкновенная жизнь и есть необыкновенное счастье. Вот это восприятие, эта поэзия окружающего и легли в основу всех моих книг»¹². Так что заголовок повести — не просто яркий метафорический образ. В нем отображено и собственное, Лавровское, восприятие жизни.

Восприятие это определило и жизнеутверждающий пафос произведений И. Лаврова, в том числе и повести «Встреча с чудом». Увидев свет на пороге 1960-х годов, она оказалась очень созвучной своему времени, отмеченном «хрущевской оттепелью» и

¹⁰ Яновский Н. О прозе И. Лаврова. // Листопад в декабре. — Новосибирск, 1988, с. 12.

¹¹ Там же, с. 13.

¹² Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

всплеском романтических настроений у тогдашней молодежи. Наверное, поэтому история сестер-близнецов, вчерашних школьниц, отправившихся в самостоятельный путь по житейскому морю, легла на благодатную почву — насыщенная лиризмом, бурным жизнелюбием, богатством настроений и чувств, красочными образами, повесть эта вызвала огромный читательский интерес. Она неоднократно переиздавалась, переводилась на иностранные языки, выходила в «Роман-газете» тиражом в несколько миллионов экземпляров. По ней был поставлен радиоспектакль, снят художественный фильм «Дорога к морю», а известный советский композитор Дмитрий Кабалевский по ее мотивам даже написал оперу «Сестры».

Романтизм и лирическая взволнованность, эмоциональная приподнятость и доверительность, живописность и музыкальность всегда отличали прозу И. Лаврова. Но все это, повторяюсь, опиралось у него на прочный реалистический фундамент, на реальную, а не выдуманную, не эфемерную или, как нынче сказали бы, виртуальную жизнь. И повесть «Встреча с чудом» — не исключение. А ее лирико-романтическая атмосфера только ярче и сильнее высвечивает реалии бытия, а с ними и авторское неприятие корыстолюбия, стяжательства, эгоизма, воинствующего мещанства, которым наполнены страницы и этой повести и многих других произведений И. Лаврова.

Острые проблемы современного ему бытия И. Лавров тоже не игнорировал, не обходил стороной, но реагировал на них, опять же, своими, лирическими, средствами. Хорошо видно это на примере более поздней его повести «Обитатели Медвежьей ложбины». Повседневная и малоинтересная, казалось бы, жизнь садоводческого товарищества передана писателем, как всегда, живо, сочно, увлекательно. Среди членов дачного кооператива прозаик разглядел и колоритные характеры, и оригинальные типажи. И поднял при этом важные экологические проблемы (герои повести ведут борьбу за свой зеленый островок, который вот-вот проглотит расположившийся неподалеку на городской окраине завод-монстр).

Конечно, ныне, в начале XXI века, на садово-дачные дела и заботы мы смотрим несколько по-иному и кое-что в повести «Обитатели Медвежьей ложбины» кажется устарелым, даже откровенно наивным, но при своем появлении в середине 1970-х она попадала в самую точку, потому и была тепло встречена читателями и критикой.

Природа и человек, человек перед лицом природы, природа как таковая... Все, что касалось природы, И. Лаврова волновало всегда. С молодых ногтей природу он любил самозабвенно и преданно. Она занимала в его жизни, по собственному признанию, «одно из главных мест». Да, собственно, он и сам был неотделимой и органичной ее частью, что раз за разом доказывал в своих произведениях. Так, в миниатюре «Завещание» И. Лавров писал:

«Я сейчас листаю свои книги и спрашиваю у них: «Кто же я?» И книги отвечают: «Ты — это летние дождики, ты — это листопады и лунные полночи, росы на травах и кукушки на рассвете, любовь и отчаяние, молодость и дороги, хруст прозрачного ледка и бурлящие речки». Вот в таком виде я и буду приходить к вам...».

Именно от нее, природы, прежде всего, и шло восприятие И. Лавровым «жизни как чуда». «Я открывал чудо и весны, и лета, и осени, и зимы»¹³, а эти «открытия», в свою очередь, обретали потом свою «художественную» жизнь в произведениях писателя. Ну, а поскольку И. Лаврову довелось побывать во многих уголках нашей огромной страны, то и картины природы у него самые разные.

Но ярче, глубже, насыщенной, величественней всего изображена у И. Лаврова природа сибирская, которая становится в его творчестве этакой сквозной и связующей лирической героиней. А в повести «Печаль последней навигации», рассказах «Шумела, Обь, текла», «Дорога в Петушки» И. Лавров впервые в нашей литературе создал цельный и прекрасный образ великой сибирской реки-труженицы Оби.

¹³ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 120.

Живописуя природу, И. Лавров проявлял себя замечательным мастером словесного пейзажа. Но запечатленные им картины полны не только красочного разноцветья, многообразия звуков, запахов. Они еще и, как правило, насыщены глубоким смыслом и подтекстом, а подчас и остро драматичны. Как, например, в рассказе «Алая осинка».

Маленькая осинка в березово-осиновой рощице трепещет на осеннем ветру в предчувствии своего конца. «Главная беда осинки заключалась в том, что вся роща была желтой, а она — алой. Так и пылала на ветру, яркая, огневая. Люди останавливались, смотрели на нее, тянули к ней цепкие, сучковатые руки, срывали красные листья, обламывали даже веточки и ахали, называя человеческим именем «красавица».

Но красота не доставляла осинке радости. Она боялась, что алые листья, выделявшие из всей остальной рощи, ее и погубят. Поэтому с нетерпением ждала, когда ветер сорвет их и сделает ее неотличимой от других деревьев. И дождалась, однажды ночью лишившись, наконец-то, своих алых листьев и став голой, как все. Но это не спасло ее. В компании таких же безликих подруг она все равно погибла — только под колесами грузовика: «Колдобину, полную воды, завалили осинками, и чудовище, выдыхая бензиновый угар, с ревом перемололо их колесами...».

В рассказе «Алая осинка» слышна переключка с повестью «Обитатели Медвежьей ложбины». (Они и написаны примерно в одно время). И там, и там звучит мысль о том, что страшнее всего для природы — холодный бездушный человеческий прагматизм, в котором нет места красоте и гармонии.

Интересен в этом рассказе и образ алой осинки, ассоциирующийся с юной мятущейся девушкой, которой и страшно, и хочется вырваться из привычного круга обитания, чтобы за его пределами, увидеть другой мир. И характер девушки-осинки, и ее смятение переданы писателем психологически настолько достоверно, что забываешь о метафоричности этого образа.

Свое умение воссоздавать и передавать характеры не только человеческие И. Лавров демонстрирует и в рассказе «Прекрасный Цезарь», героем которого является гордый и неприступный красавец-сеттер, терпеливо ожидающий ушедшего на фронт хозяина. Никто из людей вокруг него уже не верит, что это произойдет, но чудо случается — пес и хозяин находят друг друга. А рассказ превращается в настоящий гимн верности и преданности «братьев наших меньших».

И. Лавров много и плодотворно работал в жанрах «малой прозы» — небольшой повести, рассказа, миниатюры, но осваивал и жанры более масштабные. Есть в творческом багаже писателя такие крупногабаритные вещи, как романы «Штормовое предупреждение» и «Мои бессонные ночи», где писатель доказывал, что ему, лирику-спринтеру, хватало дыхания и на дальние прозаические дистанции.

О тетралогии «Мои бессонные ночи» следует сказать особо. Писатель обозначил ее как «роман-воспоминание». Многие годы она складывалась из автобиографических повествований, отображающих разные периоды жизни И. Лаврова. А вспомнить ему было что. Ведь на его, ровесника Октябрьской революции, чье детство и юность пришлись на самые важные вехи Страны Советов, глазах проходило становление советского государства. Не случайно отблеск истории лежит почти на каждой странице романа.

Совершенно естественно, что в это повествование «о времени и о себе» органично входит тема становления художника, его места в жизни общества — тема для самого И. Лаврова кровно близкая. Роман «Мои бессонные ночи» интересен как раз еще и тем, что позволяет увидеть и ощутить истоки и источники формирования творческой личности героя-рассказчика и одновременно автора произведения, а с другой стороны — окунуться в атмосферу литературной жизни конца 40-х начала 60-х годов, в которой оно происходило.

Следует отметить еще одну характерную для этого произведения особенность. Одним из полноправных и полнокровных героев эпопеи стал Новосибирск. И. Лавров очень любил родной город и с большой теплотой и душевностью писал о нем, посвящая

ему в романе многие страницы и целые главы. Под пером автора «Моих бессонных ночей» перед читателями встает настолько же реалистичный и точный в деталях и подробностях, насколько и лирико-романтический образ юного города, символизировавшего собою новую, устремленную в будущее Сибирь. Образ живой, динамичный, данный в исторической перспективе и развитии. Писатель рассказывает о нем, как о близком человеке, верном своем спутнике жизни и ориентире, который не давал ему сбиться с верного пути. Образ Новосибирска в разные годы возникал в творчестве многих писателей-сибиряков, но ни у кого из них не достигал такой художественной яркости, силы и проникновенности, как у И. Лаврова.

Роман «Мои бессонные ночи» насыщен драматизмом. И не приходится тут говорить о пресловутом сгущении красок. Драматична сама судьба героя-рассказчика, которая проходит перед читателем во всех своих изгибах. Вольно или невольно ожидаешь столь же мрачно-пессимистического финала. Однако, вопреки всему, концовка эпопеи — это чуть ли не восторженное благодарение и ода судьбе:

«...Судьба отпустила уже немало... Так скажи ей спасибо за все, чем она одарила тебя. Да, да! Я благодарю судьбу за встреченных людей, за все любви и дружбы, подаренные мне. За все измены, разлуки и радости, обогатившие мои чувства, за все мои зимы, весны и осени, за весь трудный путь к задуманному, за то, что я родился в этой стране, за написанные книги, которые держатся на любви и восхищении...»

Парадокс? Или то самое «бездумное бодрячество», против которого всегда выступал И. Лавров? Скорее следствие все того же восприятия жизни как чуда, которое подвигает Лаврова-художника убеждать читателей, что, вопреки всем бедам и невзгодам, жизнь все-таки прекрасна.

«Нужно не просто описывать жизнь, а воспевать ее, — писал И. Лавров, оглядываясь на свой творческий путь. — Тот не художник, который не может видеть поэзию жизни. А жизнь наша полна красоты, как береза соком»¹⁴. И это уже осознанная, выношенная всей жизнью и судьбой, художническая позиция И. Лаврова.

В романе «Мои бессонные ночи» И. Лавров завоевывает новые литературные рубежи. Тетралогия становится серьезным этапом в его творческом развитии. Как справедливо отмечает критик В. Шапошников, «оставаясь Лавровым — тонким, проникновенным лириком и психологом, поэтом в прозе, — сумел на этот раз выйти на большие просторы, сумел создать большое эпическое полотно о своем времени и своем поколении»¹⁵.

Иначе говоря, И. Лавров смог успешно соединить в себе лирика и летописца и доказать тем самым, что ему по плечу, в принципе, любые художественные задачи.

«...Необходимо потолкаться среди людей. Ты подумай сам, как мне изображать на сцене тех, кого я не знаю?» — говорит своему товарищу один из персонажей «Девочки и рябины», молодой актер, объясняя причину своего желания уйти из театра и поработать некоторое время в других местах. А вот автору повести, не было нужды «толкаться» среди тех, о ком писал. Они были частью его собственной жизни. Поэтому, как раз наоборот, признается И. Лавров, «все мои чувства и мысли, все дела и встречи, вся моя жизнь растолкана по рассказам и повестям. Так не стоит говорить о них. Внешне моя жизнь не богата событиями. Все дело в жизни души, в ее тревогах и тоске, в ее ликованиях и откликах на все...»¹⁶.

В том числе, кстати, и откликах на собственную литературную работу, которую И. Лавров оценивал строго и объективно. Как настоящий профессионал, он точно знал, что и как ему надо делать, и постоянно совершенствовал и оттачивал свое мастерство. Он упорно работал над каждым словом, фразой, и считал, что «язык у писателя — что

¹⁴ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

¹⁵ Шапошников В. Щедрое сердце. // В. Шапошников. Государственные люди. — Новосибирск, 1979, с. 174.

¹⁶ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 121.

скрипка у скрипача» и что «каждый имеет только ему присущую фразу, в которой отражена личность автора». У самого И. Лаврова такая фраза тоже была. В «Рассказе о рассказе» читаем: «Я люблю фразу незаметную, как дыхание, прозрачную, чтобы ее построение не отвлекало своей виртуозностью от мысли, от образа». Заглянув в книги И. Лаврова, мы увидим, что именно такая фраза и является основой его прозаической ткани.

И. Лавров вообще очень много размышлял о природе творчества и тайнах литературной профессии. Размышления эти мы встретим и в «Моих бессонных ночах», и в «Лирическом календаре», ставшем настоящим гимном литературному, да и вообще всякому творческому труду, и в ряде рассказов и миниатюр, а «Рассказ о рассказе» и вовсе полностью посвящен технологии литературного труда.

Невольно возникает вопрос: зачем И. Лавров на это тратил столько времени, если и без того прекрасно владел своим ремеслом? Думается, что не для себя он это делал, а скорее для молодой литературной поросли, которой много тогда вокруг него вилось, и с которой писатель помногу возился. И. Лавров дал путевку в литературную жизнь целому ряду интересных сибирских прозаиков и в их числе таким ныне хорошо известным писателям, как П. Дедов, М. Щукин, Ю. Чернов...

Всем им И. Лавров еще при жизни преподавал бесценные уроки как литературного мастерства, так и литературного подвижничества. И главным в его науке было глубокое убеждение в том, что искусство «рождается из любви и ненависти, из горя и счастья, но только никогда не рождается из равнодушия».

«Я живу, значит, работаю, я работаю, значит, живу», — писал И. Лавров в «Лирическом календаре». И до конца дней своих продолжал много и самоотверженно трудиться на литературной ниве, не мысля без этого своей жизни.

Творческая деятельность И. Лаврова в советские годы была отмечена двумя правительственными наградами: орденами «Знак Почета» и Дружбы народов. И читательской любовью. Чем писатель дорожил больше всего.

17 октября 1982 года Ильи Михайловича Лаврова не стало.

Но остались его книги, вышедшие у нас в стране и за рубежом: Италии, Германии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии... Остались «бессмертные цветы» (так называется один из рассказов И. Лаврова) его прекрасной прозы, способной и сегодня, спустя десятилетия затронуть самые тонкие струны человеческой души.

Алексей ГОРШЕНИН